

Татьяна Филиппова

Рец. на: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.) / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.

Tatiana Filippova

*(Institute of Russian History and Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Rec. ad op.: Patriotism i natsionalism kak factory rossiiskoy istorii (konets XVIII v. — 1991 g.). Moscow, 2015

Почти за два года, прошедшие со времени выхода в свет рецензируемой книги, она стала ещё актуальней. Очередной виток осложения международной ситуации, глобализация локальных конфликтов, беспрецедентные волны миграций, ослабление мировых интеграционных процессов в пользу тенденций к государственной, национальной и цивилизационной замкнутости ставят перед государственными элитами вопрос о сохранении прежних (или фиксации новых) идентификационных характеристик в отношении национальных сообществ. Это в свою очередь требует уточнения понимания природы национального единства и трактовки ценности таких понятий, как государственный суверенитет и национальная самобытность.

Эти же мировые явления актуализируют для исследователей задачу освоения и трансляции опыта исторических прецедентов обострения и разрешения кризисов, в которых идеи нации, национализма, патриотизма (или, напротив, национального и гражданского нигилизма) играли судьбоносную для общества роль. В этом смысле специфика России — с исторически присущими ей традициями имперского универсализма, многонациональности, поликонфессиональности и цивилизационной разнородности отдельных культурно-географических частей — бросает исследователям особо острый интеллектуальный вызов.

Коллектив авторов данного труда принял этот вызов во всей его сложности,

с излишней, на мой взгляд, скромностью обозначив свой ответ на него в плоскости трактовки патриотизма и национализма как *факторов* российской истории на протяжении двух столетий. На деле в работах участников проекта мы находим воссоздание масштабной картины движения философских смыслов, политических ориентаций, государственных стратегий, культурных приоритетов, эстетических пристрастий и этических норм, связанных с осмыслением русскими (россиянами, советскими людьми) себя как национальной общности, а своего государства как Отечества. По сути, это книга-портрет (возможно, зеркало), в котором — когда детально, когда лишь в общих чертах — отразились сложные, противоречивые, часто взаимоисключающие образы национального «лица» («лиц») России и особенностей её государственности во всей многомерности и неоднозначности их взаимоотношений. А потому, стоит ли грешить на зеркало, если увиденное в нём зачастую вызывает у исследователей и боль, и горечь, и острое сожаление об упущенных исторических шансах? Важнее то, что тема каждой главы коллективной монографии, её авторские трактовки в каждом конкретном случае фиксируют определённый исторический опыт (подчас — урок) того или иного периода отечественной истории в горизонте осмысления национальных идентичностей и национальных интересов в их непростых отношениях с государственными приоритетами. И в этом смысле проблемно-хронологи-

ческий принцип построения работы вполне оправдывает себя, позволяя увидеть мотивы, смыслы и последствия периодически возобновляющихся идентификационных поисков в российском социуме («русские — кто мы?»).

Задача, поставленная авторами, осложнялась общей проблемой, неизбежно встававшей перед всеми исследователями наций и национализмов, — принципиальной сложностью дефиниции нации как таковой. Эту непростую ситуацию точно охарактеризовал один из ведущих теоретиков данной темы Э. Хобсбаум: «Но ведь проблема в том и заключается, что мы не способны растолковать наблюдателю, как *a priori* отличить нацию от других человеческих сообществ и групп — подобно тому, как можем мы ему объяснить различие между мышью и ящерицей или между отдельными видами птиц. Если бы за нациями можно было наблюдать примерно так же, как и за птицами, занятие это не составило бы особого труда»¹. То же, очевидно, касается и «наблюдения» за конкретными национализмами, формирующимися идейно, культурно и политически на определённом историко-географическом пространстве. Весь существующий на сегодняшний день объёмный и внутренне полемичный компендиум теоретических исследований (Дж. Брони, Э. Геллнера, Э. Смита, Э. Хобсбаума, У. Бэйджота, Г. Кона, М. Хроха, Б. Андерсона и др.) оставляет принципиально открытыми многие вопросы дефиниции нации, национализма и интерпретации их конкретных проявлений.

Обращением к конкретике авторы данной работы как бы снимают дилемму определения объекта исследования: «русский национализм» или «национализм в России»? Очевидно, что национальные идентичности в обществе (будь то конструируемые усилиями государственной идеологии или возникающие в ходе научно-философских, общественных и культурных поисков) всегда контекстуальны. Поэтому старт работы справедливо взят в широко понимаемой эпохе русского Просвещения, в ходе которого были сформулированы и развиты основополагающие идеи и практики национально-патриотического дискурса. Тогда же устами самой Екатерины II, русской немки на российском престоле, была высказана стилистически точная и содержательно ёмкая мысль, фиксирующая государственную традицию *предписательности* патриотических

чувств как гарантии политической лояльности: «Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений»².

XIX столетие, получившее в европейской истории название «века национализма», восприняло от эпохи Просвещения идейное наследие, позволявшее отследить ситуацию, когда не фактор державной силы, а иные социо- и политико-культурные ценности начинают влиять на имперский характер государственного поведения, меняя типологию патриотических реакций. Национальная культура, язык, права национальностей отныне представляются чем-то более важным и ценным, чем относительная безопасность под крылом сильной, унифицирующей имперской власти. Привычным ответом имперской власти на эти явления становились модернизированные — в духе времени — экспансионистские технологии освоения новых пространств в сочетании с победной риторикой «цивилизаторской миссии» и патерналистской опеки, подменявшие иные формы самоорганизации на многонациональном имперском пространстве.

В этой ситуации национализм и демократизм, имевшие общий просвещенческий исток в идее народного суверенитета (только XX в. сумел «раздружить» их до состояния «или — или») становились полноценной этической и культурной антитезой имперскому властолюбию. То, насколько разнообразными оказывались интеллектуальные, эмоциональные, эстетические и идейные коллизии в размышлениях на тему национализма и патриотизма в треугольнике «власть — элиты — общество», демонстрирует глава, написанная Н.П. Ильным («Формирование основных типов национальной идеологии от М.В. Ломоносова до Н.Я. Данилевского»). Исследователь сумел убедительно вписать зарождение и развитие типов национальной идеологии в России в соответствующий общеевропейский политико-культурный контекст, а также выявить российскую специфику этих процессов, зафиксированную, в том числе, и в предложенной им типологизации «русской национальной идеологии». При этом автор указывает на необходимость отличать типы подобной идеологии — европеизм, мессианизм, панславизм и ориентализм от *русского национализма* как идеологии *sui generis*» (с. 111).

В.В. Зверев («Народ, патриотизм и национализм в русском народничестве») мастерски препарировывает теоретическую и конкретно-историческую проблематику национально-патриотической темы в парадигме народнической идеологии – в её эволюционном движении. Отмечу при этом сложность задач, стоявших перед автором на уровне терминологической специфики многих народнических позиций. Особенно если учесть полисемантическую в русском языке и интеллектуальной традиции слова «народ», что в определённой степени затормозило вызревание историософских представлений о нации в её гражданском измерении, свойственном европейской политической мысли. Исторический дрейф народничества в сторону политизации требований автор аргументированно связывает с процессами переоценки роли национально-патриотических идей в общем корпусе народнической идеологии: «Патриотизм, свойственный взглядам родоначальников народничества, сменился великодержавием и национализмом, социалистическое содержание доктрины – идеей приспособления к капитализму» (с. 206).

Особую миссию в общем проекте «берут на себя» главы, автором которых является А.Ю. Кожевников («Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции», «Большевизм и русский вопрос в начале XX в.», «От идеи “мировой революции” к государственному патриотизму», «Русский советский патриотизм в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1953)», «Позднесоветский консерватизм и русский национальный патриотизм в 1960-х – середине 1980-х гг.»). Он отслеживает на протяжении почти двух веков – от патриотических идей революционной интеллигенции XIX столетия до позднесоветского консерватизма и «русского национального патриотизма» конца XX в. – процесс жёсткой кристаллизации форм в соответствующих идеологических установках и политических практиках двух империй – российской и советской. Как на уровне официальной политики, так и в горизонте общественного творчества – в культурной, научной, художественной сферах – в текстах автора возникает и принимает очередную вызов истории «русский национальный патриотизм как самостоятельное явление» (с. 666). В финальных строках

символическим жестом историка данное явление обозначается уже с заглавной буквы – «Русский национальный патриотизм».

В главе «Проблемы патриотизма, национализма и интернационализма в идеологии российской социал-демократии», подготовленной П.Ю. Савельевым, анализируются сложные взаимоотношения идей обозначенного спектра в общественной мысли российской социал-демократии – во всей их политической контекстуальности. Здесь освещена проблема ситуационного, прагматического реагирования на вопросы войны и мира, осложнённого внутренними противоречиями в русле социал-демократического движения и меняющейся расстановкой сил на международной арене.

А.А. Иванов («Лозунг “Россия для русских”: зарождение, трактовки, апология, критика») даёт подробный анализ приключений (и злоключений) лозунга «Россия для русских», предлагая свои объяснения столь долгого его существования в отечественном националистическом дискурсе. На материале разных эпох автор доказывает неоднозначность смыслов самого лозунга и его «значительно более широкое звучание» в зависимости от обстоятельств времени и среды. Однако тут вспоминается один афоризм литературного критика Л.А. Анненского, высказанный им на «круглом столе» в редакции журнала «Родина» в 1999 г. по поводу термина «просвещённый консерватизм»: «Если сущностное требует такого прилагательного, то с сущностным не всё в порядке». Вот так и в отношении «России для русских» – при всей широте трактовок упомянутого лозунга его адепты (что бы они ни имели в виду) в полной мере разделяют ответственность за его интерпретацию и утилизацию в сугубо политических целях.

А.В. Репников, продолжая свою исследовательскую линию изучения российского консерватизма, углубляется в хитросплетения идей национализма и патриотизма на разных уровнях их прикладного использования – в государственном курсе последних царствований, окрашенных в русофильские тона, в формирующейся партийной жизни предреволюционной России, в философско-публицистических работах. В своей главе («Имперский и национальный принцип в конце XIX – начале XX в.») Репников чётко отделяет респектабельные проявления

консервативных установок в национальном вопросе от крайностей черносотенной, «охотнорядской» стихии. Разнообразие и многозначность идейного поля националистических проявлений в тогдашнем обществе, доказывает далее автор, оказались для государства и общества источником слабости, а не ресурсом силы. Здесь — один из пунктов срыва возможной альтернативы в отечественной истории на заре «века войн и революций». Другой пункт видится в ревнивем властолюбии самодержавия, всегда бдительно отстаивавшего свою монополию на трактовку патриотизма и народности, не давая себе труда разделить пространство этих идей и настроений даже с лояльными консервативными силами в обществе. И что же в итоге? «Если бы русским националистам удалось выработать своё единое и цельное мировоззрение, — обоснованно подчёркивает автор, — пока в России были относительно благоприятные для этого условия, они могли бы стать самостоятельной силой, способной эффективно противостоять одновременно и революционным радикалам, и либералам, но этого не произошло» (с. 322).

Историческому поражению ещё одной альтернативы, чётче оформленной идейно и более перспективной в политико-культурном отношении, посвящена глава Н. И. Канищевой и В. В. Шелохаева («Российские либералы: между правыми националистами и леворадикальными пораженцами»). Правовые, культурно-языковые, этно-культурные, цивилизационные аспекты национальной идеи в интерпретации либеральной политической мысли и в партийной практике российских либералов на различных этапах общероссийского кризиса начала XX столетия детально анализируются авторами, с подключением значительного количества документов. Исследование доказывает, что «сохранение прочного единства и целостности исторически сложившегося полиэтнического российского государства» было одной из важнейших политико-культурных ценностей для тогдашнего поколения отечественных либералов, а их программы «представляли вполне реальную возможность избежать насильственного решения национального вопроса и, следовательно, распада многовековой Российской империи» (с. 354). А значит, патриотический ориентир либеральной альтернативы в предреволюционной России со всей полнотой

обозначал себя и на доктринальном, и на тактическом уровнях. Более того, авторы вполне обоснованно выносят оправдательный вердикт российскому либерализму. Вопреки его ситуационному поражению в обстоятельствах революции 1917 г., «исторический опыт начала XX в. убедительно показал, что российские либералы в своей основной массе являлись подлинными патриотами, видели дальнейшую перспективу динамичного развития России на пути свободы и демократии, на пути единения всех национальностей, населяющих страну» (с. 354).

Н. В. Антоненко («Идеи патриотизма и национализма в общественной мысли Русского Зарубежья»), подробно изучив направленность трансформации идей национализма и патриотизма в условиях Русского зарубежья, представляет концепции эмигрантского национализма, движение образов будущей государственности и конкретные планы «возрождения Великой России», а также отмечает тяготение к созданию «целостной национальной политики» и надежды на востребованность эмигрантских разработок в будущей «России без большевиков». Всё это автор определяет как главные маркёры модернизированной версии традиционного имперского национализма. Более того, Антоненко полагает, что «в условиях изоляции от России русский национализм... доказал свою гибкость, пластичность, подвижность, способность к идейно-теоретической трансформации», тем самым заслужив занять своё место в сообществе «великих идеологий», — социализма, либерализма, консерватизма (с. 614).

В финальной, наиболее драматической главе книги («Национальный вопрос и межнациональные противоречия в годы перестройки. Крах “советского патриотизма” (1985–1991)») Л. Н. Доброхотов обращается к материалу «истории» и «географии» межнациональных конфликтов, ознаменовавших эпоху «перестройки» и распада союзного пространства. Автор выявляет сложное переплетение старо-новых культурных, межнациональных, управленческих, экономических и прочих проблем, вылившихся в «парад суверенитетов» и обернувшихся в итоге «парадом сепаратизмов».

Особую роль в монографии играют «Введение» и «Заключение», написанные ответственным редактором издания В. В. Журав-

лёвым. Эти небольшие по объёму, но ёмкие тексты не сводятся к формально-академическому ритуалу, а предлагают читателю своего рода «камертон» настройки на волну коллективного исследования, а также тематическую «лоцию», помогающую точнее увидеть место и роль каждого текста в общем научном замысле. Нельзя не согласиться с автором, когда он определяет главный исток неизбежных противоречий в пространстве исторического и актуального бытования идей патриотизма и национализма: «Несовпадение мировоззренческих и политических идеалов неизбежно ведёт и к разному пониманию того, что есть благо и слава Отечества» (с. 780). Само же определение патриотизма формулируется Журавлёвым сугубо функционально, без риторических прикрас — через постановку интеллектуальных, культурных и гражданских задач, лежащих в этой плоскости: «Уроки, *вознаграждающие* (выделено мной. — Т.Ф.) нас сегодня социальной и политической мудростью, предупреждают от повторения бед прошлого, которые сплывают общество, “работают” на его политическую консолидацию, не тянут из прошлого в настоящее баррикады революций и фронты гражданской войны. В этом, может быть, и заключается истинное призвание патриотизма» (с. 782).

Знакомство с материалом коллективного исследования позволяет сделать ряд заключений по ключевым вопросам политического воздействия идей национализма и патриотизма на разных исторических этапах развития России. Так, одним из факторов углубления общего кризиса на закате империи стало отсутствие у власти планомерной политики по налаживанию культурной коммуникации с различными национальными группами населения. Ситуация усугублялась тем, что в России вообще был плохо налажен социокультурный диалог между различными слоями, этносами, классами. Национальные, социальные, культурные, цивилизационные различия в условиях ослабления имперских универсалистских скреп неизбежно провоцировали углубление противоречий в режиме поиска врага в «другом», «ином», «чужом». В титульном же этносе основное, базовое разделение заключалось в существовании двух типов, принципиально различавшихся в социокультурном и даже цивилизационном отношении — «мужика» и «барина», имевших, строго говоря, не всегда совпа-

давшие представления о «родине», «патриотизме», «национальном интересе». Стремление же властей конструировать «сверху» официозные формы патриотической лояльности, как правило, оборачивалось поощрением казённого верноподданничества. Это ещё более углубляло пропасть непонимания и осложняло налаживание социокультурной коммуникации внутри многонационального и поликонфессионального российского социума.

Примечательно, что и отечественная общественная мысль, при всём разнообразии идейных подходов и трактовок, на протяжении XIX — начала XX в. демонстрировала отсутствие даже базовых договорённостей по поводу терминологии и объективности в отношении определения таких взаимосвязанных категорий, как государственность — патриотизм — народность — национализм — от Петра Вяземского с его «люблю народность как чувство, но не признаю её как систему», через пушкинское «я презираю своё Отечество с головы до ног, но если с этим соглашаются иностранцы, мне становится очень обидно» до бердяевского «нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков».

Провоцирующее кризис переплетение общественно-политических и национальных проблем в революции 1917 г. и Гражданской войне не требует дополнительных доказательств. Колоссальная человеческая «себестоимость» революционных экспериментов, осуществлённых в России в XX в., складывалась из многих факторов. В их числе и тот, что прежние элиты (государственная, культурная, национальная) оказались не в состоянии решить историческую миссию актуализации ценностей государства на переломном моменте вхождения страны в цивилизацию модерна. А исчезновение самого объекта патриотических чувств — прежней России — разбудило архаику этнизации, заместившей на время процессы модернизации социума. Психо-эмоциональная и интеллектуальная неизжитость этносоциальных комплексов, латентно сохранявшихся под монолитом новой советской государственности, вполне прогнозируемо дала себя знать в эпоху очередного кризиса, связанного с развалом СССР.

Имперский универсализм и — как инвариант — советский интернационализм

затормозили процессы того, что можно было бы назвать «национальным созревани-ем» в смысле обретения гражданской зрелости. Для последней явно не на пользу были патернализм и опека «сверху», будь то в самодержавном или социалистическом формате. Возможности свободного отрефлексирования этого процесса ограничивались теми же особенностями исторической традиции. Не удивительно, что расползание ткани советского пространства приводило к тому, что под риторикой роста «национального самосознания» часто скрывалась лишь архаичная «кровь и почва» обострённой этничности. Новая ротация смыслов и объектов национально-патриотических чувств обернулась негативизмом взаимных претензий и этнофобий.

Если остановиться на том, чего не хватает данной коллективной монографии, то это, на мой взгляд, более пристального внимания к тому, как на каждом этапе развития России внешнеполитическая ситуация влияла на окрас национально-патриотической тематики; какие метаморфозы происходили в идеологическом манипулировании этой тематикой в периоды милитаризации государства и мобилизации масс; как менявшееся восприятие россиянами самих себя «между Востоком и Западом» изменяло идентификационные характеристики социума («многонациональный народ», «суперэтнос», «новая

историческая общность», «евразийское единство», «российская нация» и т.д.).

К тому же, заметим, издание столь серьёзного уровня хотелось бы видеть сопроводённым справочным материалом — именным указателем и библиографией.

Между тем главное, что остаётся от знакомства с книгой, это не только признание заслуг авторского коллектива, в том числе и в деле введения в научный оборот новых источников, но и желание увидеть продолжение проекта. Последнее 25-летие в истории России и всего постсоветского пространства даёт массу поводов обратиться к научной трактовке обновлённого репертуара актуальных интерпретаций идей национализма и патриотизма. В этом смысле разработанные авторами стратегии анализа могут оказаться полезными в формировании современного дискурса темы, способного работать (говоря словами В. В. Журавлёва), «пробуждая, оживляя и одушевляя гражданские принципы и чувства всех равнодушных современников и соотечественников» (с. 8).

Примечания

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 7.

² Екатерина Великая о величии России. М., 2010. С. 22.

Наталья Сухова

Рец. на: А.Е. Иванов. Учёное достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.

Natalia Sukhova

(St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)

Rec. ad op: A.E. Ivanov. Uchenoye dostoinstvo v Rossiyskoy imperii. XVIII — nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly. Moscow, 2016

В своей новой монографии А.Е. Иванов исследует историю научно-педагогической аттестации в Российской империи. На первый взгляд может показаться, что аттестация кадров (присуждение учёных степеней) — неизбежная,

но формальная сторона науки и образования, определяющаяся исключительно постановлениями, указами, требованиями. Однако данная книга убедительно показывает, что это далеко не так. Напротив, через эту призму можно